

ДИАЛОГ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В ДНЕВНИКАХ М.М. ПРИШВИНА (1873–1954)

Владимир Петрович Изотов

доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева (Орел, Россия)

E-mail: vpizotov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4556-5617

Екатерина Александровна Михеичева

доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева (Орел, Россия)

E-mail: inoliterat@mail.ru

ORCID: 0009-0002-3478-8388

Аннотация. Жанр дневника был распространен в русской литературе 1920–1930-х гг. Наиболее известные произведения – «Окаянные дни» И. Бунина, «Дневник» Л. Андреева. «Дневники» М. Пришвина – в числе самых объемных и значимых в русской литературе. Жанр дневника особенно ярок в период с 1905 по 1954 гг., и в нем на переднем плане оказываются три основные темы: мир природы, отношения со «знаковыми» личностями современности и события жизни самого автора, которые одновременно являются и художественной летописью эпохи. «Дневники» Пришвина носят философский характер, так как автор обращается к вечным темам.

В мировидении писателя природа вечна и в этом она противостоит социальным сдвигам, в XX в. особенно часто заявлявшим о себе. Война нарушает закон жизни, согласно которому человек должен прожить столько, сколько отмерено ему Богом. Опорой Пришвина в самые тяжелые минуты становятся близкие люди: любимая женщина, родные, друзья, соратники по творчеству, даже если есть расхождения в творческих установках, как, например, между реалистами и символистами. Дневники, которые М.М. Пришвин вел на протяжении пятидесяти лет, стали свидетельством не только жизни самого писателя, но и целой эпохи, с ее революциями, войнами и жизнью простых людей на фоне исторических катаклизмов. Несмотря на все испытания, выпавшие на долю писателя и его близких, в душе он остался романтиком, бесконечно любящим природу, весь живой мир, человека.

Ключевые слова: М. Пришвин, дневник, природа, И. Бунин, Л. Андреев, А. Блок, образ собаки, мир природы, философия

«Пристальное взглядывание в себя» было одной из характерных черт писателя Михаила Пришвина, и литературная форма «дневника» являлась наиболее удобной для выражения того тайного и интимного, что скрывалось в глубине души писателя. «Дневники» обратили на себя внимание исследователей (см., например: [Пришвина; Капица; Варламов 2001; Варламов 2003; Качалова; Казакова; Меркурьева] и др.), но само по себе это творение Пришвина настолько неисчерпаемо по глубине таящихся в нем смыслов, что новое обращение к нему может добавить лишь штрих к уже сложившемуся портрету писателя, но никак не исчерпать его до конца. Цель данной статьи – опираясь на биографический и сравнительно-сопоставительный методы исследования, дать общую характеристику тем, проблем и образов, представленных в «Дневниках» Пришвина. Тематика «Дневников» писателя рассматривается в сравнении с произведениями того же жанра его современников, Бунина и Андреева, – в этом состоит новизна данной работы.

Жанр дневника был весьма распространен в среде русских писателей 1910–1920-х гг., особенно в среде эмигрантов. Дневниковые записи, сделанные Буниным в Москве, в Одессе, перерастают в самое значительное его произведение того времени – «Окаянные дни». Бунин вступает в яростную полемику со всеми, кто хоть в какой-то степени пы-

тается оправдать происходящее в России, – с Горьким, Уэллсом, Ролланом. С сарказмом пишет он о тех своих современниках, которые приняли Советскую власть, – о Блоке, Брюсове, Маяковском [Бунин].

Леонид Андреев, который, в отличие от Бунина, не принявшего ни русской, ни западной революции, революцию 1905–1907 гг. первоначально приветствовал (как и февральскую 1917 г.), Октябрьскую революцию категорически не принял. Дневник – наиболее интимная форма самовыражения художника. Склонность именно к такой форме была свойственна Андрееву с юных лет. Дневники начинающего писателя (конца 1890-х – начала 1900-х гг.) касались в основном трех интересующих его тем: отношений с женщинами, которые были весьма запутанными и сложными, собственного пьянства, губительное влияние которого понимал сам Андреев, и зарождающейся тяги к творчеству [Андреев 2009]. Содержанием дневника последних лет жизни стали личные переживания: потеря родины (жизнь в собственном доме на территории Финляндии, которая стала самостоятельным государством), семейные проблемы (сложности в отношениях со второй женой, Анной Ильиничной, влюбленность в Людмилу Чирикову, отсутствие известий от брата Андрея и др.), горечь от собственной творческой нереализованности [Андреев 1994].

Андрееву было присуще характерное для истинно русского интеллигента чувство со-виновности: «<...> если бы я не был русский. Поначалу, составляя в уме слезницу, я об этом позабыл, но потом вспомнил, и стало нехорошо»; «Хоть ты и писатель – но куда лезешь, русский? Притаись и молчи, если имеешь совесть и стыд», будто вся Россия грязная стоит в дерьме и навозе, а я один бело личико мыльцем тру. Нет!» [Там же: 50]. Андреев признает вину русской интеллигенции в конфликте народа с властью, плоды деятельности разночинцев, народовольцев, легальных и нелегальных марксистов, большевиков, меньшевиков и других разжигателей народного гнева.

Не меньшая вина, как считает Андреев, падает на писателей русских, которые долгое время были «совестью народа», но совесть эту потеряли. Примеры потери совести – Блок с его призывом убивать: «Бери винтовку – иди, не трусь – пальнем-ка пулей в святую Русь!», и далее замечание, вроде бы не имеющее отношения к нарисованной картине: «У Блока нет детей. Это очень важно. Иметь детей – это быть Миланским собором в мраморных кружевах; без детей – бетонированный форт или гладкая кирпично-крепостная стена. Это между прочим» [Там же: 61].

Писателя ужасает «хамское отношение к избранным», всегда существовавшее в российском обществе. «Это ужасная вещь в Рос-

сии: отсутствие внутреннего чувства иерархии – наряду с хамским низкопоклонством. Нет ни старших, ни лучших, ни уважаемых» [Там же]. В многих бедах Андреев винит русскую интеллигенцию, которая своей «писаревщиной» положила начало «Великому Русскому Хамству». В адрес Горького, считает Андреев, «нужно составить целый обвинительный акт», чтобы доказать преступность Горького и «степень его участия в разрушении и гибели России», а также «невыносимость», «отвратительность» его детища – газеты «Новая жизнь» [Там же].

Оказавшись в эмиграции, Бунин не переставал тосковать и писать о России вчерашней («Жизнь Арсеньева», «Темные аллеи», «Митина любовь» и др.), и тем яростнее он отрицал Россию «новую», большевистскую. Это неприятие нашло выражение, прежде всего, в публицистике Бунина 1920-х гг.: его статьи регулярно появлялись в эмигрантских газетах «Последние новости», «Общее дело», «Свободные мысли» и др. Дневниковые записи, сделанные в Москве и Одессе, образуют художественный документ эпохи – «Окаянные дни». Случайные зарисовки, из которых создается картина жизни, которая потрясает своим реализмом и одновременно ирреальностью: старуха, которая просит, чтобы ее «взяли на воспитание»; издатель Сперанский, не желающий верить в реальность происходящего; собрания «Среды», на которых лидируют теперь «молодые», такие

как Маяковский; митинги, дебаты на улицах; торжество хамства и невежества; надежды на немцев, которые наведут порядок; темы и стиль «новых» газет; ощущение беспомощности от того, что «все сдались, как-то быстро сдались». И все это людское брожение, эта «дикая и жуткая ерунда» перемежается редкими, краткими, но удивительно яркими описаниями природы: «Еще по-зимнему блестящий снег, но небо синее ярко, повесенному, сквозь облачные сияющие пары» [Бунин: 71].

Дневники Пришвина охватывают период с 1905 г. по 1954 г. В отличие от сотоварищей по «Знанию», он был далек от абсолютного неприятия новой России и новой власти. Этой форме творчества, а Пришвин признавался, что «форма маленьких записей в дневник стала больше моей формой, чем всякая другая», писатель отдавал много времени и сил. Сам он объяснял свое внимание к дневникам так: «Сила и слава таких дневников в том, что они пишутся по необходимости роста сознания и только для этого» [Пришвин: 409].

Хрущево, имение Пришвиных в Елецком уезде Орловской губернии, Лебедянь, в разные периоды истории бывшая провинцией Елецкой, Липецкой, Воронежской, Тамбовской губерний, Москва, Петербург, другие города России и Германии, где в Лейпцигском университете он учился на агронома, путешествие на русский Север, в Карелию и Норвегию, Дальний Восток и Павлодар, остров

Путятина между Владивостоком и Находкой, киргизские степи, аулы и юрты киргизов, их своеобразный быт, и пейзажи всех времен года – все это в той или иной степени формировало личность художника, чье творчество было раз и навсегда связано с природой. Путешествия, знакомство с новыми местами и людьми заставляют писателя сделать вывод: «Любовь к природе, как и родине человека, везде одинакова: и в голодную степь будет тянуть, если в ней родился» [Там же: 49].

Основной темой дневников Пришвина становится мир природы. «Итак, я нашел для себя любимое дело: искать и открывать в природе прекрасные стороны души человека. Так я и понимаю природу, как зеркало души человека: и зверю, и птице, и траве, и облаку только человек дает свой образ и смысл» [Там же: 761]. Осознание себя частью природного мира, мало того, «частицей мирового космоса», помогало понять свою значимость, то, что «нужно ценить себя, нужно знать свою огромную ценность...» [Там же: 16]. Наблюдение за, казалось бы, обычными явлениями природы: «ствол этой певучей липы», «зеленый звонкий хор» зеленых ветвей и птиц, вода фонтана, «горкой» поднимающаяся к небу, «желтый золотой цветок» – все это красота! И отсюда глобальный вывод: «Красота управляет миром. Из нее рождается добро и из добра счастье, сначала мое, а потом всеобщее» [Там же: 21]. Любовь к природе формирует любовь к Родине, дает собствен-

ное, глубинное понимание Родины: «Россия! Родина, дорогая, дорогая моя. Тут только, на фиолетовых берегах соленого озера¹, понял я, что люблю тебя, что ты прекрасна...» [Там же: 50].

Еще одной темой тонких наблюдений Пришвина стали знаковые личности Серебряного века, с которыми сводит его жизнь: Мережковский, Гиппиус, Философов, Волошин, Ремизов, Вячеслав Иванов: «Мне кажется, у них много надуманностей, я не чувствую путей к этим идеям... Секта? Собрание? Журфикс?» [Там же: 29]. Д.С. Мережковский настоящий «иностранец в России. Он не прислушивается, не озирается... от быта он не берет, а дает... Он Дон Кихот, гуманист... Он является к мужикам, не в лаптях и рубашке, а барином, и даже с урядником на козлах» [Там же]. Описание собраний «секты» Мережковского приводит писателя к закономерному выводу: «Мы вышли на улицу: воплощение, искупление, папироски, женщины, похожие на актрис, эти священные поцелуи в лоб... Секта... И как это далеко от народа» [Там же: 32]. Гиппиус представляется Пришвину «холодной снежной дамой»; а о Керенском, его умении красиво говорить, писатель замечает: «Хорошие слова, которые останутся словами театра» [Там же: 52, 85].

Как видно, Пришвин достаточно критично относится к символистам, хотя и ставит перед собой задачу изучить «секту служителей красоты – декадентов» [Там же: 52]. И тем не менее, в своих личных переживаниях он близок символистам: влюбленность в Варвару Петровну Измакову (любовь – еще одна тема дневников) нашла выражение в письмах Пришвина, в том образе женщины, который создан в дневнике. Но автор вынужден признаться: «Я творил ее», т. е. шел по пути создания образа Прекрасной Дамы. За романтической влюбленностью пришла проза жизни: в браке с крестьянкой Ефросиньей у него родились дети (трое сыновей), но той романтической, идеальной любви, о которой мечтал писатель, не было. Она пришла к нему только в зрелые годы: Валерия – Ляля, как ласково называет ее Пришвин в дневнике, стала секретарем писателя и его последней любовью.

В дневнике часто звучит имя Блока, и всегда с уважением и гордостью за великого современника. Особенно близким себе из поэтов Пришвин считает Тютчева. Прежде всего, из-за «параллелизма», который он толкует следующим образом: «в первых стихотворениях у него был параллелизм: природа и вслед за тем человеческая душа, а в последних совершенно природа и человек соединя-

¹ «Соленое озеро» – Иссык-Куль в Киргизии.

ются в единство. Я тоже так шел...». Кроме этого, Пришвин отмечает борьбу «с метафизикой за поэтическую свободу, за цельность, родственное внимание к миру» [Там же: 322].

Война 1914 г., по признанию Пришвина, «положила грань совсем новой жизни» [Там же: 68]. Все воспринимается им по-новому: салон Сологуба – «мертвая маска. Поиск популярности» [Там же: 69]. В дневниках возникает череда образов и трагических событий: это «задавленный войной» город Гродно, в котором оказался писатель, и личная трагедия – смерть матери, и страшные картины войны, и бессмыслица и неразбериха 1917 г., голод, от которого «болит голова». Есть нечего, съели всех голубей – улицы и площади пусты! Страшная картина – голодная собака легла под трамвай – «мучения собаки кончились!» [Там же: 89].

Образ собаки в литературе – некое мерло нравственности человека у Куприна («Белый пудель»), Андреева («Кусака», «Друг»), Бунина («Сны Чанга»), Есенина («Собака Качалова», «Сукин сын», «Песнь о собаке»). И этот пришвинский образ – всеобъемлющ: через него раскрывается трагедия времени, человека, России. В 1944 г. он записывает в дневнике: «...увидел себя самого собакой, умными глазами следящей за речью людей. А между тем если переживу наше время, то опять окажется, что тоже собакой ходил. Недаром же я и люблю так собак и так страдал в молодости от собачьей любви» [Там же: 352]. Образ

собаки как верного друга, который не предаст, но которого могут предать, не раз возникает на страницах дневника.

В то же время позиция Пришвина отличается от полного неприятия происходящего, которое мы встречаем в «Окаянных днях» Бунина, статьях Андреева. В происходящем он видит и позитивные сдвиги. Позже, уже в 1940-е гг., он признавался, что его задачей было приспособиться к новому советскому времени, но остаться самим собой. И это ему, хотя и с трудом, удалось. Так, 3 марта 1917 г. он записывает в дневнике: «День чудесный – солнечно-морозный. Март. И возрастающая радость народа... Прорвалось – нарыв... самые употребительные слова. Может быть, там, на фронте (в Госуд. Думе) все еще боятся краха, но здесь, в тылу, совершается празднество настоящей великой победы» [Там же: 79].

В это «головокружительно быстрое» время, когда «все куда-то летит», «природа творит свое дело, не подчиняясь желанию человека. Так что с природой считаться нужно» [Там же: 99]. Она, по-пришвински, единственно вечное, непобедимое, дающее надежду на будущее. Люди ломают устои государства – а природа застыла в вечном покое.

1919 г. – год личных трагедий, которые усугубляются трагедией всеобщей: «Все мои вымерли – брат Саша, сестра Лидия. От голода брожу, качаюсь, как былинка на ветру» [Там же: 101]. Но даже в эти страшные дни При-

пшвин продолжает жить литературой: это разнообразные размышления об Обломове и Штольце как антиподах русской жизни, о Чехове и Горьком, Толстом и Метерлинке, Роллане, Санд, Стерне, о символистах, которые «лишились восприятия действительности и страшно мучились этим», о специфике русской жизни, где «всякий мед пахнет полынью и горчит» [Там же: 101, 114]. У Пришвина собственное понимание классики: «читаю «Войну и мир», – не читаю, а пью... Мне думается, что Толстой в своей «Войне и мире» в лице Кутузова и России хочет дать нам это чувство нашего расположения к своему дикому, заповедному, к тому, что было, и это чувство счастья в былом он называет миром, а то, что хочет сделать Наполеон, его движение к небывалому, он называет войной» [Там же: 393].

Война привнесла в дневник новые темы. Хотя сам писатель жил в Москве, Усолье (в Сибири, недалеко от Иркутска, на Ангаре), трагедия Ленинграда была ему близка. В 1942 г. в дневнике возникает такая запись:

«Наступление голода страшно своим разделением людей на более сильных и слабых. Увидев это начало Ленинграда, ясно представляешь себе время, когда будут умирать по 35 тысяч в день и в то же время какие-то существа будут за 200 гр. хлеба скупать каракулевые саки. Большинство не хочет уехать и потерять свой угол, который потом делается гробом ему. Но есть немногие, кто остается в своем углу, презирая смерть. Я знаю таких» [Там же: 328].

Тема войны преобладает и в творчестве этих лет – Пришвин пишет повести «Победа», «Повесть нашего времени», появляются зарисовки быта времен войны и в дневниковых записях [Там же: 351].

Пришвин – глубокий философ, некоторые его наблюдения и афоризмы поражают яркостью и глубиной. Удивительно современно звучащую характеристику в 1931 г. он дает «главным» нациям мира: немцам, китайцам, американцам. В семьдесят восемь лет, принимая свою старость как неизбежность, он пишет: «Для себя человек может и не умирать, но для другого он умирает (все умирают). Так что бессмертие обязательно субъективно, а смерть обязательно объективна» [Там же: 408]. Подводя итог собственной жизни, он размышляет: «На моем горизонте менялись цари, вырастали государственные думы, революции и войны мешали, как мешают людей, показывались необыкновенные люди, вроде Горького, Шалапина, Блока. Все на свете заделало меня, но с тех пор, как я ощутил счастье создавать что-то из себя, – ничто не могло отклонить меня в сторону» [Там же: 448].

Последняя запись в дневнике сделана 15 января: «Деньки вчера и сегодня играют чудесно, те самые деньки хорошие, когда вдруг опомнишься и почувствуешь себя здоровым» [Там же: 458]. 16 января 1954 г. Михаила Михайловича Пришвина не стало. Но его любовь к природе, к людям, которую он воплотил в своих произведениях – «Кладовая солнца»,

«Кашеева цепь», «Жень-шень», «В краю непуганых птиц», в сборниках рассказов для детей «Лисичкин хлеб», «За волшебным колобком», в рассказах «Лягушонок», «Беличья память» и других – еще многим и многим поколениям детей и взрослых будут служить учебником жизни, величайшим примером служения художника природе и человеку.

Подводя итог, можно сделать вывод, что дневники, которые М.М. Пришвин вел на протяжении пятидесяти лет, стали свидетельством не только жизни самого писателя, но и целой эпохи, с ее революциями, войнами и жизнью простых людей на фоне исторических катаклизмов. Несмотря на все испытания, выпавшие на долю писателя и его близких, в душе он остался романтиком, бесконечно любящим природу, весь живой мир, человека.

Литература

Андреев, Л.Н. S.O.S. М. – СПб.: ATHENEUM–ФЕНИКС, 1994.

Андреев, Л.Н. Дневник. 1897–1901. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Бунин, И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи и выступления 1918–1953. М.: Московский рабочий, 2000.

Варламов, А.Н. Гений пола: «Борьба за любовь» в дневниках Михаила Пришвина // Вопросы литературы. 2001. № 6. С. 67–104.

Варламов, А.Н. Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе

М.М. Пришвина: автореф. дис. ... докт. филол. н. М., 2003.

Казакова, О.Ю. Орловская провинция в годы первой мировой войны глазами писателей-обывателей // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 1 (74). С. 19–23.

Капица, П.Л. Читая дневник М.М. Пришвина // Капица, П.Л. Научные труды. Наука и современное творчество. М.: Наука, 1998. С. 421–425.

Качалова, М.П. Природа в «Дневниках» М.М. Пришвина: 1905–1935 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. н. Магнитогорск, 2011.

Меркурьева Н.А. «Человек у зеркала», или бахтинский феномен дневников М.М. Пришвина // Наследие М.М. Бахтина: культура – наука – образование – творчество. Международный круглый стол, посвященный М.М. Бахтину. Сборник докладов и статей (22 мая 2018 года, Орел). М.: ИХОиК, 2018. С. 193–199.

Пришвин, М.М. Дневники. М.: «Правда», 1990.

Пришвина, В.Д. Путь к слову. М.: Молодая гвардия, 1984.

References

Andreev, L.N. (2009). *Dnevnik. 1897–1901* [Diary. 1897–1901]. Moscow: IMLI RAN.

Andreev, L.N. (1994). S.O.S. Moscow – Saint-Petersburg: ATHENEUM –FENIKS.

Bunin, I.A. (2016). *Okayannye dni. Statyi. Vospominaniya* [Cursed days. Articles. Memories]. Moscow: Azbuka.

Kapitsa, P.L. (1998). Chitaya dnevnik M.M. Prishvina [Reading M.M. Prishvin's diary]. In P.L. Kapitsa, *Nauchnye trudy. Nauka i sovremennoe tvorchestvo* [Scientific works. Science and modern creativity]. Moscow: Nauka, 421–425.

Kazakova, O.Yu. (2017). Orlovskaya provinciya v gody pervoj mirovoj voiny glazami pisatelej-obyvatelej [The Oryol province during the First World War through the eyes of ordinary writers]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly notes of Orel State University], 1 (74), 19–23.

Kachalova, M.P. (2011). *Priroda v "Dnevnikah" M.M. Prishvina: 1905–1935* [Nature in the "Diaries" of M.M. Prishvin: 1905–1935] (Synopsis of Doctoral Dissertation, Magnitogorsk State University, Magnitogorsk).

Merkur'eva, N.A. (2018). "Chelovek u zerkala", ili bahtinskij fenomen dnevnikov M.M. Prishvina ["The Man at the Mirror", or the Bakhtin phenomenon of M.M. Prishvin's diaries]. *Nasledie M.M. Bakhtina: kul'tura – nauka – obrazovanie*

– tvorchestvo. *Mezhdunarodnyj kruglyj stol, posvyashchyonnyj M.M. Bakhtinu. Sbornik dokladov i statej* [M.M. Bakhtin's legacy: culture – science – education – creativity. International round table dedicated to M.M. Bakhtin. Collection of reports and articles]. Moscow: Institut hudozhestvennogo obrazovaniya i kul'turologii RAO, 193–199.

Prishvin, M.M. (1990). *Dnevniki* [Diaries]. Moscow: Pravda.

Prishvina, V.D. (1984) *Put' k slovu* [The path to the word]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Varlamov, A.N. (2001). Genij pola: "Bor'ba za lyubo" v dnevnikah Mihaila Prishvina [The genius of gender: "The struggle for love" in Mikhail Prishvin's diaries]. *Voprosy Literaturny* [Russian Studies in Literature], 6, 67–104.

Varlamov, A.N. (2003). *Zhizn' kak tvorchestvo v dnevnikah i hudozhestvennoj proze M.M. Prishvina* [Life as creativity in M.M. Prishvin's diary and fiction] (Synopsis of Doctoral Dissertation, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow).

Для цитирования: Изотов, В.П., Михеичева, Е.А. Диалог человека и природы в дневниках М.М. Пришвина (1873–1954) // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 1. С. 177–186. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-177-186

For citation: Izotov, V.P., Mikheicheva, E.A. The dialogue of man and nature in the diaries of M.M. Prishvin (1873–1954). *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (1), 177–186. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-177-186

**DIALOGUE OF MAN AND LIVING WORLD
IN M.M. PRISHVIN'S DIARIES (1873–1954)**

Vladimir P. Izotov, Dr. Habil. in Philology, Associate Professor, Orel State University (Orel, Russia); e-mail: vpizotov@yandex.ru

Ekaterina A. Mikheicheva, Dr. Habil. in Philology, Orel State University (Orel, Russia); e-mail: inoliterat@mail.ru

Abstract. The genre of the diary was widespread in the Russian literature of the 1920s–1930s. The most famous works are “Cursed Days” by I. Bunin, “Diary” by L. Andreev. M. Prishvin’s “Diaries” are among the most voluminous and significant in Russian literature. The genre of the diary is especially vivid in the period from 1905 to 1954 with selected themes in the foreground: the world of nature, relations with iconic personalities of historical period, and the events of the author’s own life, which at the same time are an artistic chronicle of the era. Prishvin’s diaries are philosophically charged, since the author also addresses universal themes and eternal issues.

In the writer’s worldview, nature is eternal, untouched by social shifts, which happen in the twentieth century full of turmoil. If war violates the law of life, according to which a person lives as long as it was measured by God, the close people become the support for Prishvin in the most difficult moments. He is writing about the beloved woman, relatives, friends, poets and writers, even if there are discrepancies in creative attitudes, such as, for example, between realists and symbolists. The diaries which M.M. Prishvin kept for fifty years became evidence not only of the life of the writer himself, but also of an entire epoch, with its revolutions, wars and the lives of ordinary people against the background of historical cataclysms. Despite all the trials that befell the writer and his loved ones, in his soul he remained a romantic, endlessly loving nature and the whole living world.

Key words: M. Prishvin, diary, nature, I. Bunin, L. Andreev, A. Blok, the image of a dog, the world of nature, philosophy

